

МАРК
АВРЕЛИЙ
НАЕДИНЕ
С СОБОЙ
МАКСИМЫ

МОСКВА
2022

ГЛАВНЫЕ АФОРИЗМЫ ЭТОЙ КНИГИ

*В одном и том же лице
величайшая настойчивость
может сочетаться
со снисходительностью.*

---

*Тирания влечет за собой клевету,
изворотливость, лицемерие.*

---

*Оставь книги,
не отвлекайся от дела,
время не терпит.*

---

*Для всякой части природы благо то,
что производит природа Целого
и что содействует
ее поддержанию.*

---

*Знай, что положен предел времени твоей жизни,
и если не воспользуешься им
для собственного просвещения, оно исчезнет,
как исчезнешь и ты, и более не вернется.*

ГЛАВНЫЕ АФОРИЗМЫ ЭТОЙ КНИГИ

*Пусть не рассеивает тебя
приходящее к тебе извне!*

---

*Все следует делать,
обо всем говорить и помышлять так,
как будто каждое мгновение
может оказаться для тебя последним.*

---

*Смерть — не только
действие природы,
но и действие, полезное ей.*

---

*Настоящее — вот все, чего можно лишиться,
ибо только им и обладаешь,
а никто не лишается того,
чем не обладает.*

---

*Время человеческой жизни — миг;
ее сущность — вечное течение; ощущение — смутно;
строение всего тела — бrenно; душа — неустойчива;
судьба — загадочна; слава — недостоверна.*

Об этой книге

«Жизнь — борьба и странствия на чужбине. Но что может вывести на путь? Ничто, кроме философии». Римский император *Марк Аврелий Антонин* (121—180) всю жизнь был верен этому убеждению. Самодисциплина, хладнокровие и мужество не только помогли «философу на троне», как прозвали его потомки, справиться с разочарованностью и мучительным одиночеством, но позволили ему придать законченную форму учению стоиков и стать влиятельнейшим из философов Древнего Рима.

Не обладая воинственным характером, Марк Аврелий всю жизнь вынужден был провести в военных походах. Свои «Размышления» он писал в походной палатке, терзаемый тяжелой болезнью. Эта книга известна также под названием «Наедине с собой» (по свидетельству его врача, знаменитого Галена, его последними словами были: «Кажется, я уже сегодня останусь наедине с собой»).

Император, подобно многим своим современникам негативно относился к христианам и поощрял гонения на них, но несмотря на это его этические взгляды, представления о разуме и душе, оказались близки учителям Церкви и оказали влияние на христианских мыслителей от бл. Иеронима до Л. Н. Толстого.

КНИГА ПЕРВАЯ

От Вера¹, моего деда, я унаследовал сердечность и незлобивость.

От славы моего родителя² и оставленной им по себе памяти — скромность и мужественность.

От матери³ — благочестие, щедрость, воздержание не только от дурных дел, но и дурных помыслов. А также — простоту образа жизни, далекую от всякой роскоши.

От прадеда⁴ — то, что не пришлось посещать публичных школ; я пользовался услугами прекрасных учителей на дому и понял, что на это стоит потратиться;

От воспитателя⁵ — равнодушие к борьбе между зелеными и синими, победам гладиаторов с фракийским или галльским

---

¹ Дедом Марка Аврелия по материнской линии был *Марк Анний Вер*, римский сенатор, дважды консул. В латинском тексте первой книги после предлога «от», начинающего каждую главу, нет глаголов, поэтому остается все же неясным, речь идет о том, что Марк Аврелий унаследовал перечисляемые качества у названных людей, находил в них для себя образец, или же просто отмечал их.

² Родного отца Марка Аврелия звали *Публий Анний Вер*. По отцовской линии род Марка Аврелия восходил ко второму царю Рима Нуме Помпилию (715—672 г. до н. э.).

³ Мать Марка Аврелия — *Домиция Луцилла*, дочь Кальвизия Тулла, бывшего дважды консулом.

⁴ Возможно речь идет о прадеде Марка Аврелия — *Катилии Севере*, который дважды был консулом.

⁵ О ком говорит Марк Аврелий, в точности неизвестно.

вооружением¹. Неприхотливость, выносливость в трудах, несуетливость и стремление к самостоятельности в решении дел, невосприимчивость к клевете.

От Диогнета² — нерасположение к пустякам, недоверие к рассказам чудотворцев и волшебников о заклинаниях, изгнании демонов и тому подобных вещах. А также и то, что не разводил перепелов, не увлекался глупостями, а отдался философии, слушая сначала Бакхия, затем Тандасида и Маркиана. Уже с детских лет я писал диалоги и полюбил простое ложе, звериную шкуру и прочие принадлежности эллинского образа жизни.

От Рустика³ — мысль о необходимости исправлять и образовывать свой характер, не уклоняться в сторону изощренной софистики и сочинения бессмысленных теорий, не составлять увещательных речей, не разыгрывать напоказ ни страстотерпца, ни благодетеля, не увлекаться риторикой, поэтическими украшениями речи, и не разгуливать дома в столе⁴. Благодаря ему, я пишу письма простым слогом, по примеру письма, написанного им самим из Синуэссы к моей матери. Я всегда готов к снисхождению и примирению с теми, кто в гневе поступил неправильно, оскорбительно, едва они сделают

---

¹ *Зеленые и синие* — партии в цирке. Назывались по цветам одежды наездников в конских состязаниях. Позднее эти партии приобрели политическое значение. Гладиаторы с поножами на обеих ногах, небольшим круглым щитом и кривым мечем назывались *фракийцами*. *Галлами* называли мурмилонов (с изображением на каске рыбы — «мурмы») сражавшихся с ретиариями, вооруженными сетью и трезубцем.

² *Диогнета* упоминает автор «Жизнеописания Марка», писатель начала IV в. Капитолин, называя его учителем живописи. Возможно Диогнет был наставником будущего императора.

³ *Юний Рустик* — философ-стоик, которого Марк Аврелий очень ценил.

⁴ *Стола* — широкая и длинная туника, верхняя одежда. Считалась признаком женственности и изнеженности.

первый шаг к восстановлению наших прежних отношений. Я стараюсь вникнуть во все, что читаю, не довольствуясь поверхностным взглядом, но не спешу соглашаться с многоречивыми пустословами.

Рустик первый познакомил меня с «Воспоминаниями об Эпиктете»¹, ссудив их из своей библиотеки.

От Аполлония² — свободомыслие и осмотрительность, стремление неуклонно руководствоваться ничем иным, кроме разума, оставаясь верным себе при невыносимой боли, потере ребенка и тяжелой болезни. На его примере я наглядно убедился, что

•
*в одном и том же лице
 величайшая настойчивость
 может сочетаться
 со снисходительностью.*
 •

Когда приходится с трудом растолковывать что-либо, я не раздражаюсь и не выхожу из себя, ибо видел человека, который опытность и мастерство в передаче глубочайших знаний считал наименьшим из своих достоинств. От него я научился, каким образом следует принимать от друзей так называемые услуги, не чувствуя себя вечно обязанным, но и не проявляя равнодушия.

---

¹ *Эпиктет* (ок. 50—138 г.) — философ, один из основных представителей поздней Стои. Раб в Риме, потом вольноотпущенник, основавший в Никополе (Греция) философскую школу. По образу жизни был близок к киникам. «Беседы» Эпиктета были записаны его учеником, историком Аррианом (автором известного «Похода Александра»). Учение Эпиктета и рассказы о его образе жизни оказали сильное влияние на Марка Аврелия.

² *Аполлоний Халкедонский* — философ-стоик, учитель Марка Аврелия.

От Секста¹ — благожелательность; образец дома, руководимого отцом семейства, представление о жизни согласно природе и подлинном величии, заботливое отношение к нуждам друзей, способность терпеливо сносить невежество, верхоглядство, самомнение и ладить со всеми. Общение с Секстом было приятнее всякой лести, да и у самих льстецов он пользовался величайшим почетом, вопреки собственному желанию. От него я научился методически находить и связывать между собою основополагающие правила жизни, не высказывать признаков гнева или какой-либо другой страсти, сочетать невозмутимость с самыми нежными почтительными привязанностями, пользоваться доброй славой, соблюдая благопристойность, накапливать знания, не выставляя их напоказ.

От Александра-грамматика² я научился воздержанию от упреков и обидных замечаний тем, кто допускал варваризмы, коверкание и неблагозвучность речи, предлагая им надлежащие выражения в форме ответа, подтверждения или совместного разбора самого предмета, а не оборота речи, либо посредством другого уместного приема напоминания.

От Фронтон³ — понимание того, что

•
*тирания влечет за собой клевету,
изворотливость, лицемерие*
•

---

¹ *Секст Херонейский* — философ-стоик, племянник знаменитого Плутарха, преподавал Марку Аврелию греческую литературу.

² *Александр Котиенский* — родом из Фригии, учитель греческой грамматики Марка Аврелия.

³ *Марк Корнелий Фронтон* — знаменитый оратор II в., учитель Марка Аврелия. Один из наиболее близких людей к Марку Аврелию. В его сочинениях сохранились письма к нему Марка Аврелия.

и что вообще люди, слыvuщие у нас аристократами, отличаются бессердечием и черствы душой.

От платоника Александра¹ я научился избегать частых, не вынужденных обстоятельствами, ссылок в письмах и разговорах на свою занятость и не увиливать от обязанностей по отношению к ближним под предлогом «неотложных» дел.

От Катуга² — внимательность к жалобам друзей, даже неосновательным и вздорным, стремлением к улаживанию всех конфликтов, чистосердечная уважительность в отношении к своим учителям, желание воздать им хвалу, как это делали, судя по воспоминаниям, Домиций и Афинодот, а также — истинная любовь к детям.

От брата моего Севера³ — любовь к близким, любовь к истине и справедливости. Полученные благодаря ему знания о Тразее, Гельвидии, Катоне, Дионе, Бруте⁴ и представление о государстве с равными для всех законами, устроенном на началах равноправия и всеобщего равенства, о власти, ставящей превыше всего свободу граждан. Ему же я обязан неизменным почтением к философии, благотворительностью,

---

¹ Александр — философ-платоник, исполнявший обязанности секретаря Марка Аврелия.

² Цинна Катул — философ-стоик.

³ У Марка Аврелия не было родных братьев. Брат по усыновлению Антонином Пием Луций Вер не отличался подобными добродетелями. Возможно, имелся в виду философ-перипатетик Клавдий Север, учитель Марка Аврелия.

⁴ Тразей Пет и Гельвидий Приск, римляне, известные своей стойкостью и республиканскими симпатиями, жертвы преследований Нерона (I в.); Катон Утический — участник гражданских войн конца римской республики; Марк Брут (85—42 до н. э.) — римский полководец и политический деятель, убийца Гая Юлия Цезаря; Дион — друг философа Платона, борвшийся против тирании в Сиракузах (IV в. до н. э.).

постоянством в щедрости, надеждами на лучшее и верою в дружеские чувства. Он никогда не скрывал осуждения чьих-либо проступков, а его друзьям не приходилось догадываться о его желаниях — они были всем ясны.

От Максима¹ — самообладание, неподатливость чужим влияниям, бодрость в трудных обстоятельствах, в том числе и болезнях, уравновешенный характер, обходительность и чувство собственного достоинства, старательность в своемременном исполнении очередных дел. Что бы ни говорил Максим, все верили в его искренность, что бы ни делал — в его добрые намерения. У него я научился ничему не удивляться, не поражаться, ни в чем не спешить и не медлить, не теряться, не предаваться унынию, не расточать излишние похвалы, вызывающие позднее гнев и подозрительность, а быть снисходительным, оказывать благодеяния, чуждаясь лжи, имея в виду непоправимость содеянного, а не запоздалые исправления. Он умел шутить, соблюдая благопристойность, не выказывая презрительного высокомерия, но никто не считал себя выше его.

От отца² — кротость и непоколебимая твердость в тщательно обдуманых решениях, отсутствие интереса к мнимым почестям, любовь к труду и старательность, внимание ко всем, кто может внести какое-либо общепольное предложение, неизменное воздаяние каждому по его достоинству, понимание того, где нужна строгость, а где большая мягкость. Благодаря отцу — прекращение любовных дел с мальчиками

---

¹ *Клавдий Максим* — философ-стоик, учитель Марка Аврелия, пользовавшийся уважением со стороны Антонина Пия.

² Марк Аврелий называет отцом своего усыновителя Антонина Пия. *Тит Аврелий Фульвий Антонин* (Бойоний), прозванный за мягкосердие Пием (86—161), был усыновлен Адрианом, в 138—161 гг. — император. Правление Антонина Пия считают вершиной могущества Римской империи. Марк Аврелий был женат на дочери Антонина Пия Фаустине и назначен вместе с Луцием Вером его преемником.

и преданность общественным делам. Отец разрешал своим друзьям не являться на его обеды и не обязательно сопровождать его в путешествиях; те, кто отлучались по своему делу, при возвращении сохраняли его прежнее расположение. Во время совещаний он упорно настаивал на исследовании всех обстоятельств дела и не спешил положить конец обсуждению, довольствуясь первым встретившимся решением. Он сохранял постоянство в отношениях с друзьями, не меняя их из-за пресыщения, но и не поддаваясь чрезмерному увлечению ими.

Самостоятельность во всем, ясный ум, предвидение событий далеко вперед, предусмотрительная распорядительность во всем, вплоть до мелочей, без тени кичливости своими способностями.

Приветственных кликов и всяческой лести при нем стало меньше. И неусыпная охрана того, что необходимо государству, бережливость в расходах и выдержка, когда это ему ставилось в вину. И не было у него суеверного страха перед богами, а что касается людей, то не было ни заискивания перед народом, ни стремления понравиться, ни угодливости перед толпой, а напротив — трезвость и основательность; и никогда — безвкусной погони за новизной. Всем тем, что делает жизнь легкой — а это судьба давала ему в изобилии, — он пользовался и скромно, и вместе с тем охотно, так что он спокойно брал то, что есть, и не нуждался в том, чего нет. И никто не сказал бы про него, что он софист, вульгарный болтун или педант, а напротив, — что он человек сложившийся, совершенный, чуждый лести и способный руководитель и своими, и чужими делами. Вдобавок он ценил истинных философов, а остальных не порицал, хотя и не поддавался им. Кроме того, общительность и обходительность, но не через меру. О своем теле он заботился надлежащим образом, не как какой-нибудь жизнелюбец и не напоказ, однако и не пренеб-

регал им, чтобы благодаря уходу за телом как можно меньше нуждаться в медицине, во внутренних и наружных лекарствах.

В особенности же он без всякой зависти уступал людям, в чем-либо выдающимся, будь то выразительная речь, исследование законов, или нравов, или еще что-нибудь.

Он содействовал тому, чтобы каждый был в чести соответственно своим дарованиям.

Хотя он во всем соблюдал отеческие обычаи, однако никому не было заметно, чтобы он старался их соблюсти — то есть эти отеческие обычаи. Кроме того, в нем не было непоседливости и метаний, он проводил время в одних и тех же местах и занятиях. И после приступов головной боли он бывал сразу же свеж и полон сил для обычных трудов.

Не много у него бывало тайн, напротив — очень мало, да и редко когда; все они касались исключительно государственных дел. Он был благоразумен и умерен в устройстве зрелищ, в строительстве и в раздаче пособий.

Он обращал внимание на самое выполнение долга, а не на славу, которую приносит выполнение долга.

Он не пользовался банями в неурочное время, не увлекался постройкой роскошных зданий, был непритязателен в еде, тканях, цвете одеяний, выборе красивых рабов. В Лориуме¹ он носил парадную одежду, изготовленную в близлежащем поместье, в Ланувии, по большей части, ходил одетым в хитон, в Тускулане носил плащ, считая нужным извиняться в

---

¹ Лориум — небольшой город на границе Этрурии и Лация. Любимая резиденция Антонина Пия.

этом — таков он был во всем. Не было в нем ничего грубого, непристойного, необузданного, ничего такого, что позволило бы говорить об «усердии не по разуму», напротив, он все разбирал во всех подробностях, словно на досуге, спокойно, по порядку, терпеливо, соответственно сути дела. К моему отцу подошло бы то, что рассказывают о Сократе — о его умении и воздерживаться и наслаждаться, в то время как большинство не в состоянии воздерживаться, не предаются наслаждениям. Быть стойким и в том и в другом, быть сильным и трезвым в суждениях — это свойство человека с совершенной и непобедимой душой. Именно таким он показал себя во время болезни Максима.

От богов — то, что у меня хорошие деды, хорошие родители, хорошая сестра, хорошие учителя, хорошие домочадцы, родичи, друзья, почти все. И то, что я никого из них ничем не обидел, хотя у меня есть такая склонность, и при случае я мог бы это сделать.

Благодаяние богов, что не было такого стечения обстоятельств, которое посрамило бы меня.

И то, что я недолго воспитывался у любовницы моего деда. И что я спас свою юность; и что я не возмужал преждевременно, но еще и несколько отсрочил это.

Я научился подчиняться начальнику и отцу, который намеренно искоренял во мне всякую спесь и внушал мне, что даже при дворе не нужны ни телохранители, ни роскошные одеяния, ни факелы, ни статуи и тому подобная пышность, но что есть возможность ограничить себя, приближаясь как можно больше к быту частных лиц, и что от этого вовсе не сделаешься более медлительным и робким, когда надо проявить силу в делах правления.

Я имею такого брата¹, который по своим нравственным свойствам мог побудить меня к развитию и вместе с тем радовал меня и почетом и любовью.

Дети мои уродились неглупыми и без телесных недостатков. Хорошо и то, что я не оказал особых успехов ни в риторике, ни в поэтике, ни в остальных занятиях, которым я, пожалуй, предался бы, если бы чувствовал, что быстро иду в них вперед.

Я не замедлил обеспечить моим воспитателям то почетное положение, которого они, как мне казалось, желали, и не откладывал осуществление их надежд на последующее время под предлогом, что они еще молоды.

...Часто и отчетливо возникало у меня представление о том, какова жизнь, согласная с природой, так что, поскольку это зависит от богов и от исходящих от них даров, воздействий и внушений, ничто уже не мешает мне жить согласно природе², а если меня на это не хватает, то только по моей вине и оттого, что я не соблюдаю исходящих от богов напоминаний и чуть ли не прямых наставлений.

И то, что я настолько еще сохранил свое здоровье при такой жизни. И то, что я не коснулся ни Бенедикты, ни Федота, да и впоследствии оставался здоровым, когда овладевали мной

---

¹ Брат Марка Аврелия по усыновлению *Луций Вер* был его равноправным соправителем до своей смерти в 169 г. Несмотря на различие в характерах и образе жизни, Луций Вер относился к Марку Аврелию с уважением и почтением.

² Жить согласно природе — основное правило стоиков, начиная с основателя стоицизма Зенона Китионского (342/334 — 270/262 до н. э.) и Хрисиппа (281/278 — 208/205 до н. э.). «Жить согласно природе, — писал Зенон, — то же самое, что жить согласно добродетели». Природа — философская категория стоицизма, обозначающая, в данном контексте, связь человека с космическим миропорядком.

любовные страсти. Я часто сердился на Рустика, но ничего не сделал такого, о чем бы потом пожалел.

Родительница моя, которой предстояло умереть молодой, все же прожила вместе со мной свои последние годы.

Сколько бы раз я ни захотел помочь какому-нибудь бедняку или в чем-нибудь нуждающемуся, мне никогда не довелось слышать, что у меня нет денег для этого. Да и мне самому не приходилось впадать в такую нужду, чтобы занимать у другого.

И то, что жена у меня такая послушная, так нежно любимая, такая простодушная¹.

И то, что в изобилии имелись подходящие воспитатели для детей.

Богам я обязан и за то, что в сновидениях мне была дана помощь, в особенности — против кровохарканья и головокружения, что бывало в Кайете...

...Когда я стремился к философии, я не наткнулся на какого-нибудь софиста, не сидел над сочинениями историков, не занимался разбором умозаключений и не предавался изучению небесных светил.

Ведь все это нуждается в помощи богов и судьбы.

Писано в области квадов, на берегу Грануи².

---

¹ *Фаустина*, дочь Антонина Пия и жена Марка Аврелия, по рассказам современников, вовсе не отличалась любовью к скромной жизни и верностью супругу. Ходили слухи, что Коммод, сын и наследник Марка Аврелия, был рожден от гладиатора, хотя, судя по сохранившимся скульптурным портретам, между отцом и сыном можно увидеть определенное сходство.

² *Грануя* (Гран) — приток Дуная.

16 Марк Аврелий

Марк Аврелий писал эту книгу в походной палатке, во время передышки в тяжелой войне против германских племен квадов и маркоманнов, наступавших на границы Римской империи.

КНИГА ВТОРАЯ

Поутру следует сказать себе: «Сегодня мне придется столкнуться с людьми навязчивыми, неблагодарными, заносчивыми, коварными, завистливыми, неуживчивыми. Эти свойства проистекают от незнания ими добра и зла. Я же, познавший прекрасную природу добра и постыдную — зла, понимаю и природу тех, кто заблуждается. Они мне родственны не по крови и происхождению, а по божественному соизволению и разуму. Я защищен знанием от их зла. Они не могут вовлечь меня во что-либо постыдное. Но нельзя и гневаться и ненавидеть тех, кто мне родственен. Мы созданы для совместной деятельности, как ноги и руки, веки, верхняя и нижняя челюсти. Поэтому противодействовать друг другу — противно природе; а досадовать и чуждаться таких людей и значит им противодействовать».

Чем бы я ни был, я только немощное тело, слабое проявление жизненной силы и господствующего начала.

Жизненная сила, дыхание, по учению стоиков, — проявление в живых существах мирового творящего огня — пневмы. Господствующее («ведущее», «руководящее») начало в человеке является также истечением тончайших эфирных слоев пневмы, мирового огненного разума, исполненного художественно-творческих сил.

Господствующее начало не отождествляется полностью с душой, но определяет ее способности и органическую связь с высшим разумом.

•
*Оставь книги,
не отвлекайся от дела,
время не терпит.*
•

Пренебреги своим телом, как будто ты при смерти. Оно лишь кровь да кости, брненное плетение нервов, жил и артерий. Рассмотрю также существо жизненной силы; оно — изменчивое дуновение, каждое мгновение то вдыхаемое, то выдыхаемое.

Итак, остается лишь третье — господствующее начало, о нем то ты должен подумать. Ты стар: не допускай же более его порабощения, не допускай, чтобы им помыкали противоборствующие стремления, чтобы оно жаловалось на свой настоящий удел и приходило в ужас пред будущим.

Созидаемое богами преисполнено промысла.

Приписываемое случаю также возникает не без участия природы, т. е. в связи с тем, над чем господствует промысел. Все проистекает из этого источника, в нем и неизбежное, и полезное всему миру, часть которого — ты.

•
*Для всякой части природы благо то,
что производит природа Целого
и что содействует
ее поддержанию.*
•

Изменения как элементов, так и сложных тел способствуют поддержанию мира. Вот мысли, которые должны дать тебе удовлетворение, пусть они будут твоими основоположениями. Умерь жажду книжного знания, чтобы не роптать, когда при-

дет смерть. Уходя из жизни, храни спокойствие духа, воздав богам искреннюю, сердечную благодарность.

Вспомни, с каких пор ты откладываешь эти размышления и сколько раз, получив у богов отсрочку, ты не воспользовался ею. Следует, в конце концов, осознать к какому миру ты принадлежишь, как часть, истечением какого мироправителя ты являешься.

•

*Знай, что положен предел
времени твоей жизни,
и если не воспользуешься им
для собственного просвещения,
оно исчезнет, как исчезнешь и ты,
и более не вернется.*

•

Заботься о деле, которым сейчас занят, чтобы выполнить его достойно римлянина и мужа, с полной серьезностью, искренностью, с любовью к людям и справедливостью. Отстрани от себя иные побуждения.

Будет удача, если каждое дело исполнишь как последнее в своей жизни, освободившись от безрассудства, подогреваемого страстями, пренебрежения к велениям разума, лицемерия, себялюбия и недовольства собственной судьбой.

Видишь, как скромны требования, исполнив которые всякий сможет достичь блаженной, божественной жизни. Да и сами боги от того, кто исполняет это, ничего большего не потребуют.

Ну что ж, пренебрегай, пренебрегай собой, душа! Ведь отнестись к себе с должным вниманием ты уже скоро не сможешь. Жизнь вообще мимолетна, твоя жизнь уже на ис-

ходе, а ты не уважаешь себя, но ставишь свое благоденствие в зависимость от душ других людей.

•
*Пусть не рассеивает тебя
приходящее к тебе извне!*
•

Создай себе досуг для того, чтобы научиться чему-нибудь хорошему и перестать блуждать без цели. Следует беречься также и другого тяжкого заблуждения. Ведь безумны люди, которые всю жизнь без сил от дел и не имеют все-таки цели, с которой они сообразовали бы всецело все стремления и представления.

Нелегко указать на кого-либо, кто стал бы несчастным оттого, что был невнимателен к происходящему в чужой душе. Но неизбежно будет несчастен тот, кто не следит за движениями своей собственной души.

Всегда следует помнить о том, какова природа Целого, какова моя природа, каково отношение одной к другой и какой частью какого Целого является природа меня самого, а также о том, что никто не может помешать всегда действовать и говорить согласно природе, частью которой ты являешься.

Теофраст¹, оценивая различные проступки (поскольку такая оценка возможна с обычной точки зрения), замечает, как истинный философ, что проступки, сделанные по влечению, более тяжки, чем проступки под влиянием гнева. Ведь гневающийся, отвернувшись от разума, испытывает, по-видимому, какую-то горечь и тайное сокрушение, прегрешающий же по влечению, не будучи в силах устоять перед соблазном наслаж-

---

¹ Теофраст (372—287 гг. до н. э.) — ученик Аристотеля. Известно его сочинение «Характеры».

дения, проявляет, по-видимому, в своих проступках большую распущенность и изнеженность. Правильно поэтому, решает Теофраст, что большего порицания заслуживает проступок, сопряженный с наслаждением, нежели сопряженный с горем. Вообще один из этих людей подобен скорее тому, кого вызвало на гнев чувство горечи, связанное с причиненной ему ранее несправедливостью, другой же самопроизвольно стремится к несправедливости, увлекаемый своим вожделением к какому-нибудь действию.

•
*Все следует делать,
обо всем говорить и помышлять
так, как будто каждое мгновение
может оказаться для тебя
последним.*
•

Если боги существуют, то выбыть из числа людей вовсе не страшно: ведь боги не ввергнут тебя во зло. Если же богов не существует или им нет дела до людей, то что за смысл жить в мире, где нет богов или нет промысла?

Но боги существуют и проявляют заботливость по отношению к людям. Они устроили так, что всецело от самого человека зависит, впасть или не впасть в истинное зло. А если злом является и что-нибудь другое, то они позаботились также, чтобы от каждого зависело не впасть в оное. Но то, что не делает худшим человека, может ли сделать худшей жизнь человеческую? Природа Целого не могла оплошать таким образом ни по неведению, ни по бессилию предупредить или исправить, в случае если она обладает всезнанием; не могла бы она также ни по бессилию, ни по неумелости допустить такую ошибку, как распределение благ и зла между всеми людьми без разбора, как между хорошими, так и между дурными.

Смерть и жизнь, слава и бесчестье, страдание и наслаждение, богатство и бедность — все это одинаково выпадает на долю как хорошим людям, так и дурным. Все это не прекрасно и не постыдно, а следовательно, не благо и не зло.

Как быстро все исчезает: самые тела в мире, память о них в вечности! Каково все воспринимаемое чувствами, в особенности то, что манит нас наслаждением, или отпугивает страданием, или прославляется тщеславием? Как все это ничтожно, презренно, низменно, бренно и мертво! Вот на что следует направить способность мышления. Что представляют собою те, убеждения и голоса которых рождают славу? Что такое смерть? Если взять ее самое по себе и отвлечься от всего, что вымышлено по ее поводу, то тотчас же убедишься, что она не что иное, как действие природы. Бояться же действия природы — ребячество;

•
*смерть — не только
действие природы,
но и действие, полезное ей.*
•

Как и какую часть своего существа соприкасается человек с богом и что делается с этой частью по ее отделении?

Нет ничего более жалкого, нежели человек, измеряющий все вдоль и поперек, пытающийся, как говорит поэт, «мерить просторы земли, спускаясь под землю»¹, разгадать тайну душ окружающих его людей, но не сознающий, что для него вполне достаточно общения только со своим внутренним гением и честного служения ему. Последнее же заключается в том, чтобы

---

¹ Слова древнегреческого поэта Пиндара (921—441 гг. до н. э.), приведенные Платоном (великий древнегреческий философ, 427—347 гг. до н. э. (в его диалоге «Теэтет».

оберечь его от страстей, безрассудства и недовольства делами богов и людей. Дела богов почтенны своим совершенством, дела людей любезны нам в силу родства с ними. Но иногда последние возбуждают некоторого рода жалость: когда в них проявляется неведение добра и зла — уродство не меньшее, нежели неспособность различать белое и черное.

Если бы даже ты рассчитывал прожить три тысячи лет и еще тридцать тысяч, все же ты должен помнить, что никто не лишается другой жизни, кроме той, которую он изживает, и никто не изживает другой жизни, кроме той, которой лишается. Поэтому самая продолжительная жизнь ничем не отличается от самой краткой. Ведь настоящее для всех равно, а следовательно, равны и потери — и сводятся они всего-навсего к мгновенью. Никто не может лишиться ни минувшего, ни грядущего. Ибо кто мог бы отнять у меня то, чего я не имею?

Итак, следует помнить о двух истинах. Во-первых: все от века равно самому себе, пребывая в круговороте, и потому вполне безразлично, наблюдать ли одно и то же сто лет, или двести, или же бесконечное время. Во-вторых: наиболее долговечный и умерший, лишь начав жить, теряют, в сущности, одно и то же.

•
*Настоящее — вот все,
чего можно лишиться,
ибо только им и обладаешь,
а никто не лишается того,
чем не обладает.*
•

Все зависит от убеждения. Это ясно из изречений киника Монима¹. Но и польза его слов будет ясна для того, кто сумеет уловить заключающееся в них ядро истины.

Наибольшим позором покрывает себя душа человеческая, когда возмущается против мира, становясь (поскольку то зависит от нее) как бы болезненным наростом на нем. Ибо ропот по поводу чего-либо происходящего есть возмущение против природы Целого, содержащего в своей части все другие существа. Далее, когда она чуждается какого-либо человека или устремляется против него с намерением причинить ему вред, как это бывает с разгневанными. В-третьих, она покрывает себя позором, когда не в силах устоять против наслаждения или страдания. В-четвертых, когда она лицемерит и фальшиво и неискренно делает что-нибудь или говорит. В-пятых, когда она не сообразует своего действия и стремления с целью, но делает что-нибудь зря и без толку, ибо даже в пустяках следует сообразоваться с целью. Целью же разумных существ является повиновение разуму и закону древнейшего Града и устройства².

•

*Время человеческой жизни — миг;
ее сущность — вечное течение;
ощущение — смутно;
строение всего тела — бренно;*

---

¹ Моним Сиракузский (IV в. до н. э.) — философ-киник, ученик Диогена из Синопа, наиболее знаменитого представителя кинической философии и соответствующего ей образа жизни (ок. 412—323 гг. до н. э.). Был рабом, но изгнан хозяином, как сумасшедший. О Мониме рассказывали, что он сравнивал все существующее вокруг с театральными декорациями, считая, что оно подобно сновидениям или бреду сумасшедшего.

² Древнейшему Граду уподоблена вселенная, обладающая разумом.